

Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена
Петербургский институт иудаики

ДЕВЯТАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

статьи и материалы

Цвелодубово Ленинградской области
2013

Антон Дьячков

Имена собственные в «Серебряном голубе» Андрея Белого

The onomastics of the symbolist Andrei Bely's first large work appear, on one hand, transparent; on the other hand, however, they contain elements of the novel's ideological layer, which can be simplified greatly through a study of the names of characters in The Silver Dove. The article points out certain naming mechanisms and principles, a thorough analysis of which allows for a sharpening and a clarification of the conceptions surreptitiously introduced by the author; thereby bringing about a better understanding of the specifics of mythopoesis taking place both in Bely's prose, as well as in the works of other 20th century symbolists.

Key words: Onomastics, ideologeme East — West, prototypicality, subtext.

Ономастика первого крупного произведения символиста Андрея Белого, с одной стороны, отличается своей прозрачностью, с другой — скрывает элементы идейного пласта повести, очерчивание которого может быть во многом упрощено исследованием имен персонажей «Серебряного голубя». В статье выявляются некоторые механизмы и принципы названия, более глубокое изучение которых неизбежно приводит к уточнению и пояснению подспудно вводимых автором концепций, к лучшему уяснению специфики мифотворчества прозы Белого и символистов начала века вообще.

Ключевые слова: ономастика, идеологема Восток — Запад, прототипичность, подтекст.

«Серебряный Голубь» — это повесть в семи главах, ключевая проблема которой выносится автором в предваряющий первое отдельное издание фрагмент «Вместо предисловия»: речь идет об антитезе Восток — Запад, во многом по-новому, в рамках неославянофильской традиции, переосмысленной, в частности, символистами¹. Уже из этого вытекает ряд противопоставлений, занимающих в повести не последнее место: это, прежде всего, борьба между иррациональным, бессознательным, демоническим восточным духом и аккуратной, заключенной в безупречную форму западной мыслью.

Однако это, само собой, не единственный проблемный слой повести: не менее живо Белым осмысляются коллизии внелитературного характера, что неоднократно отмечалось исследователями, по большей части, в трудах, посвященных прототипичности «Се-

¹ Об этом см. например у М. В. Козьменко [7].

ребряного голубя». Мы имеем в виду конфликт между А. А. Блоком и Андреем Белым, завязавшийся вследствие сближения последнего с женой Блока, Любовью Дмитриевной, переросшего во взаимную влюбленность. К слову о прототипичности повести, следует добавить, что в «Серебряном голубе» нашли выражение многие жизненные факты, а конфликт упомянутого любовного треугольника не только не единственный, но даже и не основной.

Текст «Серебряного голубя» насыщен именами собственными, которые, без сомнения, представляют собой широкое поле для литературного и биографического анализа. Нас же, в первую очередь, будет интересовать ономастикон произведения как система взаимодействующих элементов внутри текста, как набор рабочих единиц, способствующий более верной интерпретации многочисленных мотивов и образов «Серебряного голубя», а главное, работающий на выявление идейных концепций или на подтверждение уже известных, подспудно или открыто данных автором. Иными словами, первичной задачей для нас будет не просто выяснение того, каким образом Андрей Белый находит различные антропонимы, топонимы и проч., не голое указание на то, что является литературным или биографическим подтекстом для элементов ономастики, или какова этимология того или иного названия. Акцент будет сделан на анализе самого механизма называния, на разыскании причин конкретных форм названий и последующем их анализе в контексте «Серебряного голубя».

Именно таким образом мы и рассчитываем достичь определенных результатов в приурочивании ономастики к другим аспектам плана выражения. Без сомнения, имена должны отображать существенные для автора концепции и идеологемы, как и многие другие страты произведения, поскольку выраженными только на событийном уровне они быть не могут. В противном случае они, вероятнее всего, не звучали бы внятно и не могли бы быть зафиксированы, а в худшем случае — мы не имели бы вообще никакой возможности их обнаружить.

Прежде всего, хотелось бы внести корректировку по воплощению обозначенной идеологемы в произведении: перед нами пример не скрытой, но эксплицированной идеологемы, как говорилось выше, заявленной еще во фрагменте «Вместо предисловия». Другие идейно-философско-религиозные концепции будут маркированы и обрисованы нами далее.

Сосредоточимся для начала на именах героев, чья роль в сюжетосложении повести, как нам кажется, является наиболее весомой:

Дарьяльский, Катя Гуголева, баронесса Тодрабе-Граабена, Матрена, столяр Кудеяров. К этому краткому списку имен добавим перечень главных топонимов, встречающихся в тексте «Серебряного голубя»: село Целебеево, уездный город Лихов, усадьба Гуголево. Даже с помощью столь небольшого количества элементов ономастики произведения мы можем проследить, каким образом устроены базовые механизмы называния, увидеть, как именной пласт взаимодействует с одной из доминантных концепций «Серебряного голубя».

Главный персонаж повести Дарьяльский — это популярный московский модернистский писатель², третье лето добивающийся благосклонности от Кати, которая теперь приходится ему невестой, а также ищущий расположения Катиной бабушки, баронессы Тодрабе-Граабеной. Для этого Дарьяльский снимал Федорову избу, по-видимому, располагавшуюся близ усадьбы Гуголево. На третье же лето герой, наконец, получил право переехать в усадьбу, поскольку приближалась его свадьба с Катей. Тем не менее, в праздник Троицына дня, с которого и начинается повествование, Дарьяльский как будто не может вспомнить былых чувств к Кате, рассудок его как будто помутился в этот жаркий день. Состояние Дарьяльского можно назвать болезненным или скорее одурманенным. Таким образом, появление болезненного героя (вероятно, правильнее было бы использовать слово «больной», вместо «болезненный») в селе с названием Целебеево выглядит вполне оправданным, и данный топоним приобретает в наших глазах конкретный смысл: «Целебеево» образовано от слов «целебный», «исцелить».

Однако это не единственный семантический слой и, как нам кажется, скорее поверхностный, ключ к которому заложен внутри повести. Более глубокий смысл эти обстоятельства приобретают на фоне умонастроений среди символистов в 1900-е гг. Конфликт Востока и Запада ощущался ими крайне чутко, Восток и Запад представляли для них не статично и абстрактно противопоставленные силы, но взаимоисключающие, сталкивающиеся духовные начала³.

² Ср. собственные слова Дарьяльского: «...я — писатель; все меня знают; тронь меня кто-либо, сейчас напишут в газетах» [2, с. 300].

³ Вспомним здесь роман Белого «Петербург», который мыслился автором как продолжение «Серебряного голубя». Сущность конфликта в нем была отражена еще рельефнее: уже при ближайшем приближении можно распознать апокалиптическое осмысление экспансии восточной культуры в цивилизованный и европейский город — Петербург.

Отчасти эти настроения были выражены Белым в публицистической статье 1904 г. «Луг зеленый». Прямую связь этой статьи и «Серебряного голубя» отмечал в своей работе «Автор и герой повести «Серебряный голубь» М. В. Козьменко. Луг зеленый — это воплощение единения нации, это не только локальное пространство, но одновременно пространство примирения конфликта между интеллигенцией и народом, тесно связанного с конфликтом Востока и Запада. «Серебряный голубь» предстает продолжением и в то же время переосмыслением идей, выдвинутых в статье. Главный герой, представитель интеллигенции, совершает попытку понять народ и сблизиться с ним духовно, для чего и бросает свое литературное поприще и покидает Катю Гуголеву. Однако если в 1904 г. Белый оценивал сближение с народом однозначно положительно, а главное предполагал это возможным, то к 1909 г. он отрицает возможность положительного исхода таких предприятий, что доказывает нам гибель Дарьяльского в конце повести. Хотелось бы добавить еще пару слов в связи с сходными местами «Луга зеленого» и «Серебряного голубя». В статье Белый дает дефиниции двух различных типов общества. Один из них явно осуждается (можем назвать его — машинизированным типом), другой же поощряется. Любопытна дефиниция, данная автором второму типу: «живое, цельное, нераскрытое, как бы вуалью от нас занавешенное Существо, спящая Красавица, которую некогда разбудят от сна» [1, с. 85]. Дарьяльский ищет именно такой живой атмосферы, которую надеется найти в народной стихии. Он силится исцелиться не только и не столько от неопределенного помутнения в праздник Троицына дня, но от глубинного заболевания, полученного в том московском модном обществе, от которого он бежит. Оно и есть западное и в какой-то мере машинизированное общество (что нужно понимать как бездуховное), представители которого в отличие от людей из народа лишены проникновенной, восприимчивой души. Сосредоточив внимание на эпитетах, предложенных Андреем Белым в определениях типов общества, мы заметим, что один из них как нельзя лучше может быть спроецирован нами как на состояние Дарьяльского, так и на названия села Целебево. Речь идет о такой характеристике, как «цельный». На наш взгляд, название села образовано, скорее, от корневой морфемы указанного слова, нежели от слова «целебный», хотя лексическое значение их в данном контексте тождественно. Более того, подключив Тол-

ковый словарь В. И. Даля (это действие будет выглядеть обоснованным, учитывая изложенный и убедительно доказанный исследовательницей Н. А. Кожевниковой тезис о том, что Белый при создании окказионализмов, а также неологизмов по звуковым ассоциациям, как правило, консультировался со словарем В. И. Даля [6, с. 33]), мы обнаружим в статье «Целебный» только ссылку на статью «Целый». Целый, значит, цельный, неиспорченный, здоровый, непорочный. Перечисленные качества Дарьяльским, надо полагать, утеряны под влиянием московского общества, и он хочет восстановить былую целость, или цельность духа посредством углубления в народ. Итак, принцип, по которому Белый называет село прояснен⁴.

Другой не менее значимый элемент топонимики произведения, усадьба Гуголево, представляет собой некоторое идиллическое пространство, находящееся на западе от Целебева: «...вы пойдете на запад от Гуголева — прямо, все прямо; и вы вернетесь в Гуголево с востока, из степей азиатских: только тогда увидите вы Катю» [2, с. 98], или: «На лугу Павла Павловича распластана тень; кончик гуголевского шпица блеснул из-за чащи: там, там ждет Петра старый дом: туда бы, на запад» [2. С. 256]. Усадьба Гуголево западная как потому, что располагается она на западе по отношению к другим элементам топографического пространства, так и в силу качественных характеристик. Усадьба изображается автором с нескрываемой оглядкой на произведения реалистической литературной традиции XIX века и, в первую очередь, на творчество И. С. Тургенева, что неоднократно отмечалось исследователями. Встраивание ономастикона повести в контекст тургеневского творчества приоткрывает завесу над системой антропонимов, относящихся к Гуголеву, но не над интересующим нас топонимом. В. Н. Топоров в статье «О «блоковском» слое в романе Андрея Белого «Серебряный голубь» соотносит Боблово (усадьба Менделеевых) и Гуголево, утверждая, что название дано по принципу звукоподражания, что вполне допустимо при столь обширном и безусловном «блоковском» слое, который был вычленен [12, с. 307]. Тургеневский же контекст (а вместе с ним и контекст, в общем, русской традиции XIX века)

---

⁴ Вероятно, уместным было бы упоминание о прототипичности описанной проблемы, поскольку в действиях Дарьяльского прослеживаются реальные факты из жизни таких современников Белого, как А. А. Блок, С. М. Соловьев, а также Л. Д. Семенов. Однако для настоящей работы они не так существенны. По этому вопросу см., например [12] или [8].

работает в этом случае на уточнение смыслов, вложенных Андреем Белым в антропоним внучки Кати. Мы обращаемся к хрестоматийному роману «Отцы и дети», в котором одну из главных героинь зовут Катя (полное ее имя — Катерина Сергеевна Локтева). Это с одной стороны кроткая, чувствительная молодая девушка, умело и с любовью исполняющая на фортепьяно классическую музыку, предпочитающая не обремененную множеством забот жизнь в дворянской усадьбе, а с другой — способная тайно от посторонних глаз воодушевляться, быть недовольной и порицать действия старшей сестры, которая заменяет ей мать. Та же картина предстает перед нами в повести Андрея Белого, за исключением того, что мать Кате заменяет бабушка. Таким образом, «дворянское гнездо» перемещается Белым в текст «Серебряного голубя», что подчеркивается именем сюжетно главной обитательницей усадьбы. Можно выдвинуть гипотезу о том, что и кличка баронессины собачки — Мими — это зашифрованная Белым вновь по принципу звукоподражания параллель с зоонимом из «Отцов и детей» — Фифи⁵. Однако более важной деталью ономастики, касающейся усадьбы Гуголево, выступает имя баронессы Тодрабе-Грабенной. Оно привносит совершенно противоположные общей картине безмятежного и, на первый взгляд, счастливого «дворянского гнезда» смыслы и с определенной степенью прямолинейности указывает на неминуемую гибель усадьбы и рода Грабених, поскольку составленная и транскрибированная фамилия переводится с немецкого языка как: Tod — смерть, Rabe — ворон, Grab — могила (что было замечено Н. П. Утехиным в статье «Предвестник будущего» [14, с. 10]⁶). Андрей Белый выбирает такой зашифрованный метод подачи не только идеологемы Восток — Запад, но и глубинной фабулы, которую невнимательный читатель упустит, и которая, в свою очередь, имеет первостепенное значение для полноценного понимания замысла писателя.

⁵ Причем, Фифи принадлежит Одинцовой, заменяющей, как было сказано, мать, и Мими принадлежит баронессе, тоже заменяющей мать. Не обойдем вниманием также наиболее известный зооним из рассказа Тургенева «Муму», опосредованно подключающийся к установленной цепи заимствования.

⁶ Нужно, однако, сказать, что Утехиным была допущена незначительная ошибка в переводе, а точнее в изыскании последних двух составляющих баронессинной фамилии в немецком языке. Вместо слова Grab, которое переводится как «могила», исследователь указал на слово Grabe, которого не существует в немецком. А также вместо слова Rabe, что значит и вправду «ворон», автор написал слово Raabe, которого нет в немецком языке.

Прежде чем перейти к следующему пункту, сделаем промежуточный вывод, дабы не потерять магистральную линию наших рассуждений. Главный герой по фамилии Дарьяльский, жених, бежит в село Целебеево от невесты Кати Гуголевой, разлюбив ее, по-видимому, в силу кардинально изменившегося характера своего мирозерцания и поссорившись с ее бабушкой, баронессой Тодрабе-Граабеной. Дарьяльский покидает сначала московское общество, проникнутое западным духом и невосстановимо оторванное от народной стихии. Затем так же стремительно он оставляет «дворянское гнездо», которое, между прочим, находится на грани разорения, что, безусловно, в очередной раз подталкивает на установление связи с литературой, так называемого Золотого века, главным образом — с пьесами А. П. Чехова. Усадьба Гуголево, несмотря на собственную гибельность (вспомним имя баронессы), бесперспективность, искусственность в отношениях между ее обитателями, все-таки не теряет безупречного внешнего вида. Такую характеристику можно спроецировать на Запад как одну из двух частей очерченной выше антитезы. От гуголевской усадьбы совершенной снаружи и мертвой внутри Дарьяльский устремляется восточнее — в Целебеево, где рассчитывает излечиться, вернуть себе цельность, целостность^{7 8}.

⁷ Вероятно, будет оправданным обращение к истокам славянофильской традиции, например, к базовому тексту И. В. Киреевского «О характере просвещения в Европе и его отношении к просвещению в России», где через все сочинение проходит основополагающая идея о «внутренней цельности бытия» русского человека, в отличие от западного. См. также гипотезы предложенные В. Н. Топоровым о механизме названия села Целебеево ([2, с. 307]): «Не исключено, что «говорящим» названием может оказаться и Целебеево, с которым связан Дарьяльский: потенциальное «квази-этимологическое» объяснение (естественное для филолога классика, которым был герой романа) через лат. *saelebs* «неженатый», «холостой», «одинокий» (любопытным образом «целебеевец» Дарьяльский в самом начале романа характеризуется как «бобыль-бобылем!» — СГ, 6, что, с одной стороны, выступает как бы русским переводом лат. *saelebs*, а с другой, отсылает к «Боблову-Гуголеву», к Л. Д. Блок, «бобловской барышне», и к Кате, «девице Гуголевой»).

⁸ См. также гипотезы предложенные В. Н. Топоровым о механизме названия села Целебеево: «Не исключено, что «говорящим» названием может оказаться и Целебеево, с которым связан Дарьяльский: потенциальное «квази-этимологическое» объяснение (естественное для филолога классика, которым был герой романа) через лат. *saelebs* «неженатый», «холостой», «одинокий» (любопытным образом «целебеевец» Дарьяльский в самом начале романа характеризуется как «бобыль-бобылем!» — СГ, 6, что, с одной стороны, выступает как бы русским переводом лат. *saelebs*, а с другой, отсылает к «Боблову-Гуголеву», к Л. Д. Блок, «бобловской барышне», и к Кате, «девице Гуголевой») [12, с. 307].

Матрена, «пренеказистая», рябая баба из народа проживает в избе вместе со столяром Кудяровым на окраине села Целебеева. Но вопреки тому, что фактически они живут в Целебеево, их роль в «Серебряном голубе» недвусмысленно соотнесена с ролью уездного города Лихова, а не села. Аргументировать такую точку зрения не очень трудно. Во-первых, по своему духу, как уездный город, так и двое обитателей окраины села представляют собой средоточие так называемой азиатчины, «восточности», необузданной дикости. В образах Матрены и Кудярова эти свойства реализуются в таких «безумных уклонах», как, в первую очередь, их сектантские обряды, радения, доводящие адептов секты до экстатического состояния. Не менее безрассудной выглядит их теория о воплощении Духа, которого должны были зачать Дарьяльский с Матреной. Логичным будет увязка с Лиховым хотя бы потому, что именно там находится жерло, из которого течет лава безумных обрядов и религиозных помешательств секты голубей. Туда идут нищий голубь Абрам и столяр, как будто совершая паломничество к святому месту. Кроме того, в тексте отчетливо обозначено географическое положение избы столяра, выглядывающей из глубины «пологого лога» — кратера, пугающего сельский люд с востока. Изба стоит на восточной окраине, что само собой понятно, т. к. пути героев, которым приходилось путешествовать в город из села, или наоборот, проходили через «пологий лог» как через некий рубеж.

Главарю секты голубей Андрей Белый дает имя Митрий Мироныч (Миронович) Кудяров. Фамилия столяра Кудярова, во-первых, говорит о наличии фольклорного слоя, а во-вторых, обнаруживает и этимологическое объяснение, что было замечено в одной из статей В. Н. Топорова: «Кудяяр — имя разбойничьего предводителя в народных песнях, который, в частности, держит в плену прекрасную женщину; за тюркским слоем имени угадывается исходный персидский прототип — *sudfi* «бог» и *yft* «друг, возлюбленный» [...]; Кудяров по отношению к Матрене — и разбойник — захватчик (пленитель), и бог, вершащий ее судьбу, и любовник» [3, с. 99]. Образ столяра Кудярова отлично дополняют слова самого Белого из его собственной последней книги «Творчество Гоголя», где обнаруживаем такое описание: «Кудяров — сплав Мурина с колдуном и с Панько». Ключевой для нас лексемой из определения будет «колдун», что подтверждает демонизм Кудярова и отчасти возвращает к фольклорной коннотации образа

героя⁹. Следует подчеркнуть, что в тексте «Серебряного голубя» Белый достаточно редко упоминает имя и отчество Кудеярова, а в книге «Творчестве Гоголя» автор и вовсе не обращает внимания на них. И в том, и в другом случае автор чаще называет героя «столяр Кудеяров». Первый элемент формулы направляет нас к библейской традиции, о которой будет идти речь ниже, второй же был только что описан. Мы затрудняемся дать определенный ответ на вопрос, почему Кудеяров наделен именем Митрий и отчеством Мироныч. Но все же у нас есть основания полагать, что разгадка кроется не в «реальном» подтексте, т. е. в прототипах, поскольку какие-либо «символические» значения найти представляется трудным. А. В. Лавров в своем исследовании «Дарьяльский и Сергей Соловьев. О биографическом подтексте в «Серебряном голубе» Андрея Белого» обращается к «берлинской» редакции воспоминаний Белого «Начало века» (1922–1923 гг.): «столяр Кудеяров есть помесь: своеобразное преломление черточек одного надовражинского столяра с М. А. Эртелем и... с Д. С. Мережковским; одна половина лица говорит «*я вот ух как*», другая — «*что? съел?*»: это — Эртель; и «*долгоносик*», порой становящийся транспарантом, через который «*прет*» (лейт-мотив одержания), есть Мережковский с его бессознательным революционно-сектантским (метафизическим только) хлыстовством» [8. с. 106–107]. Подключив эту цитату, мы можем предположить, что именем столяра Белый хотел дать подсказку, указующую на Дмитрия Мережковского.

Матрена Семеновна — это сожительница столяра, рябая, некрасивая и необразованная баба, увлекшая Дарьяльского. В этимологическом словаре М. Фасмера мы находим: «гиперистическая форма от существительного «Матрона», далее от ср.-греч. *Ματρώνα*, далее от лат. *Mātrōna*. Русск. Матрона заимств. в первой половине XIX в. из ср.-греч.». Эти-

⁹ Возможно, правомерным было бы предложить сквозь призму творчества Н. В. Гоголя взглянуть на литературную дуэль В. Я. Брюсова с Белым начала 1900-х гг., в которой Брюсов позиционировал себя в качестве мага — антагониста чуть ли не святого и ангелоподобного Белого. В данном случае маг, таким, каким он изображается в «дуэли», как нам кажется, может быть приравнен к колдуну, каким тот представляется Белому, применительно к образу Кудеярова. Т. е. колдун — это прямая противоположность чему-то ангельскому, что в контексте нашего произведения парадоксально, ведь Кудеяров должен предстать святым — он носитель сакральной религиозной истины. С другой стороны, парадоксальность устраняется тем, что Кудеяров, на самом деле, лжепророк.

мологическое объяснение отсылает к заимствованному из латинского языка слову «matrona», что значит почтенная замужняя женщина. И здесь нам вновь помогают мемуары Белого. В одной из книг своей мемуарной трилогии («Начало века») писатель в главе «Профессора, декаденты» описывает сцену доклада Д. С. Мережковского в аудитории Университета. Мережковский, попав в абсолютно чуждый себе круг московских степенных профессоров, остается после выступления непонятым. Белый трижды употребляет слово «матрона» применительно к жене докладчика — Зинаиде Гиппиус: «наконец — кончил; и хлопает оком: на матрону багровую; эта матрона — опаснее мужа!». Оправданной получается проекция персонажа Матрены на Зинаиду Гиппиус, «матрону», жену Д. С. Мережковского, который стал основным прототипом для столяра Кудеярова¹⁰. При поиске литературного подтекста к антропонуиму Матрена, неизбежно сталкиваемся с массой персонажей известного характера (и более того, даже функция героинь с таким именем не часто расходятся от произведения к произведению). Как правило, это далеко не самые значительные, прозаические лица, дородные кухарки, которым отведена функция выражения так называемой народной мудрости, или, что бывает чаще, бытовой смекалки, совмещенной с хитростью и прозорливостью в господских делах. Этим требованиям отчасти отвечает, например, Матрена из «Бедных людей» Ф. М. Достоевского, или Матрена из романа А. И. Эртеля «Гарденины, их дворня, приверженцы и враги». Из текстов авторов символистского круга допустимо упомянуть повесть Ф. К. Сологуба «Маленький человек», где хоть и не часто, но все же появляется кухарка, с перенятыми у персонажей литературы XIX века склонностями и характером. Конечно, персонаж «Серебряного голубя» — Матрена — наделена качествами дородной кухарки: она и «дебелая», и самовар подносит, столь же необразованная, ведет себя как прислуга в доме столяра. В третьей симфонии Белого «Возврат» также есть Матрена, прислуга в доме Хандрикова, которая не имеет сколько-нибудь знаковых особенностей. Как мы видим, Белый присваивает типическому образу кухарки Матрены, давно установив-

---

¹⁰ Лавров в упомянутой чуть выше статье предоставляет цитату из мемуаров Белого «берлинской» редакции, в которых Матрена определяется следующим образом: «сложнейшая помесь из нескольких лиц: баба Тульской губернии (большеживотная и рябая, с глазами косящими), Любовь Дмитриевна (глаза — Океан-море-синее, грусть, молитвы, обостренное любопытство, дерзание), Поля (прислуга Эмилия Карлыча Метнера — из-под Подсолнечной)» [8. С. 107]./

шешуся в литературе, нестандартные для него качества. Новаторским является, главным образом, перемещение в фабульном смысле периферийного персонажа в центр повести. Автор внес в образ дополнительные штрихи: из обычной кухарки Матрена превратилась в «духиню», способную влюбить в себя молодого московского барина. Во многом сходная сюжетная коллизия присутствует в одном из рассказов цикла «Записки охотника» И. С. Тургенева («Петр Петрович Каратаев»). Главный герой очаровывается чужой крепостной девкой Матреной, отвечающей ему взаимностью, хочет выкупить ее у хозяйки, но та не идет на согласие. Тогда Каратаев крадет свою возлюбленную и живет с ней несколько месяцев вполне счастливо. Заканчивается эта история довольно трагично: хозяйка, прознав о коварном поступке Каратаева, жалуется на него в органы правосудия и, в конце концов, Матрена, самостоятельно сдается, не желая досаждать милому ей Каратаеву. В основных поворотах сюжета можно усмотреть параллель с обстоятельствами «Серебряного голубя»: влюбленность барина в девку со двора, несчастливый для обоих конец. Но все же мы склонны думать, что Матреной героиня нашей повести названа для включения в ряд типических персонажей, однако, с некоторой модификацией, которая, на самом деле, не очень ощутима. Матрена все-таки героиня пассивная, все ее значительные поступки — это результат воздействия со стороны столяра Кудеяра, да и любовный конфликт выглядит неполноценным, потому что и он, в сущности, был спровоцирован столяром, имеющим собственные цели.

Венчает этот восточный, инфернальный мир уездный город Лихов, в частности, непосредственно топоним. Уже закрытый анализ произведения даст нужный вектор в интерпретации. В тексте «Серебряного голубя» несколько раз сталкиваемся с эпитетом «лихой», от которого, несомненно, и был образован интересующий нас топоним: «мутнело, мрачнело, синело тьмою над заборами небо все больше и все грознее: спускалось, подкрадывалось к домам, и лихо в лиховский наливало оно воздух, и прилипало к окнам, срывая ставни», или: «...С лихорадочной быстротой сгорел этот день; с лихорадочной быстротой ночь напала на Лихов». Эпитет «лихорадочный» настолько же релевантный для анализа топонима Лихов, насколько и эпитет «лихой». Слово «лихорадочный» значит «злонамеренный», лихорадить — желать зла. Показательны мысли Дарьяльского о жителях Лихова: «Петр чуть было ему не сказал: «Все тут у вас люди — лихие», — но вовремя удержался». Таким

образом, город Лихов предстает эпицентром зла, куда, в конце концов, попадает главный герой в надежде отыскать «цельности бытия», и где гибнет, осознав фатальную безрезультативность своих фантазий.

К такому истолкованию необходимо прибавить повторно возникающие фольклорные коннотации, которые, как мы могли убедиться, для Белого являются неотделимым элементом при создании демонических образов. Лихо одноглазое — это персонаж восточнославянских мифов, известный по русским сказкам, в которых он преследует человека и наносит ему всяческий вред. Однако виноват в таких бедах преследуемый, самостоятельно спровоцировавший Лихо одноглазое приносить ему беды. Так и Дарьяльский, грубо говоря, это инициатор несчастий, приключившихся с ним.

В завершении рассмотрения топонима уездного города Лихова следует сказать, что на карте начала XX века значатся две географические точки, названия которых напоминают топоним из «Серебряного голубя». Это, во-первых, украинский поселок Днепропетровской области, Лиховка, а во-вторых, город Тверской области, Лихославль. С первым Лихов связывает только революционный настрой его поселян: в начале века в Лиховке беднота, рабочий класс часто поднимал бунты, против угнетающего их режима. С Лихославлем связь выглядит более прочной, как минимум, потому что он расположен гораздо ближе к Москве. И к тому же название это образовано от двух частей — «Лихой» и «славный» (в значении слов «прославленный», «известный») ¹¹.

Общая характеристика Дарьяльского уже была дана, а главное — была подчеркнута прототипичность персонажа (См.: в нашей работе, сноска 14), имеющая своеобразное свойство, которое А. В. Лавров назвал «контаминацией автобиографических ассоциаций» [см.: 8]. Несмотря на контаминацию прототипов, нами решительно может быть выделена генеральная мысль: Дарьяльский, как и многие современники Белого, кто — метафизически, кто — эмпирически, проходит некоторый путь от самоотречения от интеллигентской безжизненной среды, к возвращению в нее (безуспешному в случае Дарьяльского). Нужно напомнить, что путь этот предназначен не только для людей

---

¹¹ Существует также река на севере Москвы под название Лихоборка, это один из крупнейших притоков Яузы.

такого социального статуса, каким предположительно обладал Дарьяльский или для его прототипов, да и вообще вменялся не только людям. Это путь исторического развития России, путь, в ходе которого неизбежен выбор направления последующего развития. Держа в уме данную концепцию, обратим внимание на фамилию нашего героя. Л. К. Долгополов отмечал символическую сторону слова «Дарьяль»: в переводе с персидского оно значит «дверь, ворота, проход», что подкрепляет утверждение о том, что колебания Дарьяльского отображают проблему выбора России между западным и восточным путями развития в широком смысле слова [с. 5 389]. Это лишь одно из объяснений фамилии Дарьяльского, но, как мы считаем, крайне существенное, если не ключевое.

Литературный подтекст, который отыскивается при помощи фамилии, многократно обозначался в работах крупных исследователей, однако никто из них не увидел в нем хотя бы доли противоречивости, которая, на наш взгляд, присутствует и несет определенную функцию. Подтекстной основой выступает поэма Лермонтова «Демон» и баллада того же автора — «Тамара». Оба эти поэтические произведения в качестве подтекстов делают мотив демонизма в образе Дарьяльского педалированным, и тем самым выводят еще отчетливей сторону характера героя, тяготеющую к азиатскому духу, фундаментом которому служит хаос сознания. Тут-то и встает вопрос, как Дарьяльскому с такими свойствами удалось посвататься к Кате в женихи и перебраться в дом усадьбы, «фундаментом» которому служит исключительный порядок во всем. И к тому же, почему герой ближе к финалу повести бежит Матрены с Кудеяровым? Ответ можно найти на уровне ономастики, а именно — в оставшихся нерассмотренными компонентах антропонима Петр Петрович Дарьяльский. Примечательно уже то, что впервые появляется имя с отчеством лишь в девятой подглавке («Гости») третьей главы («Вспомнил Гуголево!»): Дарьяльского, успевшего начать погружение «в мрак, в беспутство» посещает старый приятель Чухолка, судя по тексту, из тех же декадентских кругов¹². Можно предположить, что таким образом Дарьяльскому напоминает, кто он на самом деле и где должен находиться. Ту же функцию в повести выполняет другой приятель Дарьяльского

¹² «...ни эс-эр, ни эс-дек, а мистический анархист, и по очень простой причине, что...» — заявляет Чухолка [2, с. 119]

по фамилии Шмидт¹³. Имя нашего героя — Петр, а отчество — Петрович. Стоит упомянуть о вновь напрашивающемся введении христианской подоплеки, что, несомненно, являлось частью замысла Белого, и на что свое внимание обратил В. Н. Топоров [12, с. 305.]. Петр, как известно, означает «камень», который в евангельских текстах был равнозначен основанию, т. е. фундаменту христианской церкви. Тем не менее, камень способен отойти от церкви, отречься, что, собственно, и случилось некогда с апостолом Петром, как это описано в Евангелие. История трехкратного отречения Петра переносится в повесть не буквально: Белый, вслед за евангельским сюжетом, наполняет своего героя духом отречения и отрицания. Итак, при помощи евангельской подсветки, к которой приходим посредством авторской подсказки антропонимического уровня, рельефнее прорисовывается образ главного героя, предоставляется возможность увидеть заложенные в него Белым потенции, осуществленные Дарьяльским.

Итак, мы увидели, что механизм называния основных персонажей повести подчиняется одной из главных задач автора по реализации мифологемы Восток — Запад. В именах основных персонажей, а также в наиболее важных топонимах мы всегда находим хотя бы небольшую дань поставленной задаче. Мы не беремся утверждать, что эта «дань» в каждом из случаев была отрефлексирована Белым, тот или иной штрих в оформлении образов мог служить вовсе другим целям, однако косвенно соотносился и с данной концепцией. Так, приятель Дарьяльского Шмидт задумывался скорее как пример бездуховной и в то же время воспитанной и образованной личности и помещался в конфликтное поле другого порядка, но, тем не менее, внутренний раскол косвенно присоединяется к теме Запада и Востока, к тому же Шмидт поселен автором в Целебееве, где обретается также внутренне расколотый Дарьяльский. Таким же образом и два полных топонима «Серебряного голубя» уездный город Лихов и усадьба Гуголево воплощают указанную пространственную антитезу сторон

---

¹³ Двузначность, заложенная в фамилии персонажа, довольно просто эксплицируется. Во-первых, в повести мы сталкиваемся с характеристикой: «в Бога не верил, хотя и был православный» (159). Во-вторых, с одной стороны, перед нами иностранная, немецкая фамилия, с другой — об обратном говорит биографический подтекст. В. Н. Топоров убедительно доказал, что прототипом была Анна Шмидт, женщина из Нижнего Новгорода, несколько помешанная на вопросах религии, т. е. представительница тех «безумных уклонов», о которых пишет Белый.

света. Причем, их наполнение, т. е. неотделимые от них антропонимы персонажей, населяющих эти места, окончательно формируют их характер. Таким образом, очевидной становится неразрывность антропонимического, топографического и идейного слоев повести.

Список литературы и источников

1. *Белый А.* Луг зеленый // *Весы*. 1905. № 8. С. 85.
2. *Белый А.* Мастерство Гоголя. Исследование. М. 2011. С. 389
3. *Белый А.* Серебряный голубь. М.: Скорпион, 1910. С. 134.
4. *Богомолов Н.* Ранняя проза Андрея Белого // *Белый А. Сочинения*. М., 2001. С. 5–18.
5. *Григорьева Е.* «Распыление» мира в дореволюционной прозе Андрея Белого // *Актуальные проблемы теории и истории русской литературы: Учен. зап. Тарт. гос. Ун-та. Тарту*, 1987. Вып. 748. С. 134–142.
6. *Долгополов Л. К.* Символика личных имен в произведениях Андрея Белого // *Культурное наследие Древней Руси. Истоки. Становление. Традиции*. М., 1976. С. 351–352.
7. *Кожевникова Н.* Язык Андрея Белого: Автореф. дис. д-ра филол. наук. М., 1993. — 44 с.
8. *Козьменко М.* Автор и герой повести «Серебряный голубь» // *Белый Андрей. Серебряный голубь*. М., 1989. С. 5–28.
9. *Лавров А.* Дарьяльский и Сергей Соловьев. О биографическом подтексте в «Серебряном голубе» Андрея Белого // *Андрей Белый: Разыскания и этюды*. М., 2007. С. 105–129.
10. *Лекманов О.* Недотыкомка и незнакомка (о двух подтекстах «Серебряного голубя» Андрея Белого) // *Блоковский сборник*. 12. Тарту, 1993. С. 150–170.
11. *Паперный В.* Проблема традиции в русской литературе начала XX века и творчестве Андрея Белого // *Проблемы исторической поэтики в анализе литературного произведения*. Кемерово, 1987. С. 9–19.
12. *Пустьыгина Н.* Трагедия творчества (А. Блок и роман А. Белого «Серебряный голубь») // *Блоковский сборник*. Тарту, 1993. Вып. XII. С. 79–89.
13. *Топоров В.* О «блоковском» слое в романе Андрея Белого «Серебряный голубь» // *Москва и «Москва» Андрея Белого*. М., 1999. С. 212–316.
14. *Топоров В.* «Куст» и «Серебряный голубь» Андрея Белого: к связи текстов и о предполагаемой «внелитературной» основе их (глава из исследования) // *Блоковский сборник*. Тарту, 1993. Вып. XII. С. 91–109.
15. *Утехин Н.* Предвозвестник будущего // *Белый А. Серебряный голубь: Повести, роман*. М., 1990. С. 3–30.